

Глава 3. Модернизация и глубинный конфликт ценностей в России

Среди множества проблем, стоящих перед нашим обществом и соответственно перед наукой, едва ли не наиболее важная - проблема неких скрытых “пороков” развития. Пока модернизация в России как один из видов “догоняющего” развития слишком часто обращается в неорганический процесс, порождающий перманентную дезорганизацию. Это происходит потому, что ее обычно сводят к освоению готовых культурных образцов, преимущественно к заимствованию технических новшеств. Однако модернизация - прежде всего социальный и культурный процесс, включающий упорную работу по созданию новых ценностей и смыслов, новой системы ценностей.

3.1. От “морально-политического единства” к конфликту ценностей

Отринутая ныне идеология содержала в качестве своего важнейшего представления идею “морально-политического единства” общества, чем пыталась обеспечить у большинства его членов ценностный консенсус относительно важнейших вопросов общественного бытия, системность мировоззрения как элемент стабильности сознания, устойчивости “социально-психологического самочувствия”. Отказавшись от этой официальной доктрины, общество тем самым открыло для себя существующее и существовавшее всегда разнообразие ценностей.

Разнообразие ценностей - естественное состояние человеческих сообществ. Как и остальные базовые элементы человеческого существования, разнообразие ценностей принципиально амбивалентно и потенциально содержит возможность позитивных и негативных интерпретаций и процессов. Особым случаем ценностного разнообразия является наличие в современных обществах традиционных ценностей и структур, сложившихся на доиндустриальной стадии их развития, иногда совершенно архаичных по своему содержанию. В принципе, сосуществование (даже в современных обществах, например, в США) традиционных и модернизированных форм и элементов - обычное дело¹. Тем более обычной такая ситуация является для развивающихся обществ, где массив традиционных ценностей значительно больше, вплоть до того, что модернизированные элементы иногда существуют как “анклавы” - вкрапления среди моря традиционных структур. Некоторым развивающимся обществам удалось использовать культурную “архаику” как ресурс для модернизации, “встроить”, вписать ценностные комплексы, сложившиеся в условиях докапиталистического развития, в модернизационные процессы и контексты. Факт утилизации древнего культурного опыта постоянно будоражит наше сознание, в чем одна из причин удивления достижениями недавно еще отсталых новых индустриальных стран Азии, не говоря уже о вырвавшейся вперед Японии. В общем-то, как это ни странно, иногда для целей развития может быть использован неопределенно широкий диапазон привлекаемых культурных элементов, иными словами, в определенных условиях все, что имеется в наличии, как будто, может быть превращено в ресурс, в “строительный материал” для достижения поставленной цели. В одних случаях в качестве такого ресурса пытаются использовать сохранившиеся обычаи, традиции, привычки, в других - сырье, материальное

богатство, в третьих - людей, превращаемых в средство осуществления “исторической задачи”, в четвертых - “мотором” модернизации предстают самоэксплуатация, самосовершенствование, самодисциплина, конкурентные отношения и т.д. В конечном итоге используется то, чего, как кажется, достаточно, что есть в избытке. Однако цель, как всегда, отнюдь не безразлична к средствам ее достижения. Для успешной модернизации общества необходима определенная иерархия базовых ценностей. Фундаментальные ценности должны не только свидетельствовать о готовности общества к переменам, которые несет с собой модернизация, стремлении достаточного числа социальных групп взять на себя задачу выступить субъектами изменений, но также достаточно реалистическое представление о цели движения, о способах ее достижения. Теоретики модернизации показали, что изменение в процессе модернизации совершается только тогда, когда на каждой из предшествовавших стадий создается определенная комбинация факторов, подобно тому как на производстве возможно получить конечный продукт лишь соблюдая последовательность технологических операций². Т.Парсонс, специально исследовавший проблему эволюционных универсалий, сумел выделить определенный порядок развития, включающий десять подобных универсалий, соответствующих примитивным, переходным и модернизированным обществам³. Особенно важным является то, что теоретические конструкции Парсонса оказалось возможным эмпирически обосновать, что было сделано американскими социологами Г.Баком и Э.Джекобсоном. Последние изучили 50 обществ, показав, что “социальное изменение имеет определенную структуру или последовательность... эволюционных стадий, через которую проходит большинство общества”⁴. Таким образом, определяющим является соотношение традиционных элементов и ростков модернизированных структур, ценностное содержание процессов их взаимодействия, последовательность в накоплении новых качеств, позволяющая в конце концов достичь меньших напряжений в процессе развития, большей органичности социальных изменений, не утратить системное качество на пути модернизации. Столь же важным может считаться само представление о модернизации как осознанной цели, учитывая, что вполне возможны достаточно серьезные социальные изменения, включающие элементы модернизации, где последняя выступает как неотрефлексированный результат массовых социальных процессов. Модернизация как осознанная цель общественного развития зависима от сложившихся в обществе представлений о ценности личности.

Чем более сильны в обществе традиционные элементы, тем сильнее тенденция направить модернизационные процессы на достижение целей, лежащих вне конкретного реального человека. Всю историю Советской России человек использовался как средство для неких более высоких целей. И индустриализация, ради которой был перебит хребет крестьянству, и декларированные цели построения социализма и коммунизма, содержали ту антигуманистическую ориентацию, которая более свидетельствовала о сохранении традиционной для доиндустриальных обществ иерархии базовых ценностей, чем о действительной модернизации.

Извращенным оказалось в нашем обществе и второе важнейшее отношение, определяющее развитие - отношение в обществе к реальному факту общественного расслоения. Как показал в упомянутой работе Т.Парсонс, последовательное

накопление эволюционных универсалий на этапе перехода от примитивных к переходным обществам включает обязательную культурную легитимизацию социальной стратификации. Без такой легитимизации обществу постоянно угрожают уравнивательные тенденции и процессы, которые не только противоречат задачам модернизации, но и в конечном счете способны сокрушить даже сословность, никакого отношения к модернизации не имеющую.

Крах российской государственности в 1917 году, архаизировавший общество, сопровождался однако выдвижением на общесоциальный уровень культурных ценностей глубочайшего прошлого. До сих пор основная масса населения не нашла в себе сил для признания культурной ценности торговли, в результате чего деятельность в этой сфере остается нравственно необеспеченной, постоянно вновь и вновь извращаемой. На общесоциальном уровне пока еще господствует распределительная экономика, а идеальный культурный образ народного хозяйства до 1985 г. сохранял черты крестьянского двора во главе с хозяином-патриархом. Массовое сознание постоянно давало себя успокаивать комфортным представлением о бесклассовом обществе, где все согласны трудиться “в общий котел” и передавать распределительные функции власти. При этом массовое сознание закрывало глаза на неизбежность возникновения групп, выполняющих роль неких распределяющих псевдосословий. Однако эти реальные агенты распределительной системы допускались лишь в той степени, пока не замечались массовым сознанием, т.е. опять-таки они не получили санкции общества. И сегодняшнее возмущение общества новыми псевдосословиями, их привилегиями амбивалентно. Остается надеяться, что уж на этот раз оно предпочтет признать необходимость социальной стратификации, отвечающей реальностям современных развитых обществ. Ключевым в этом процессе, естественно, является культурная легитимация предпринимателей, новых для нашего общества форм деятельности, утверждающих ценности свободы экономического творчества, самостоятельности и ответственности.

Все это свидетельствует о том, что российское общество, согласившись на плюрализм как условие гласности и продвигаясь все далее к полноценной свободе слова, еще далеко от той толерантности к разнообразию ценностей, которая позволит укрепиться нормам демократического общежития в повседневной жизни. Дав возможность разнообразию проявить себя во всех сферах общества, тайному стать явным, шепоту - обратиться в крик, оно стоит перед опасностью превращения этого разнообразия в битву монологов, где каждый лучше всех слышит именно себя самого и пытается утвердить свой монолог над всеми остальными. Вырвавшееся на просторы публичности ранее подавленное, скрытое ценностное разнообразие нашей жизни в этих условиях все еще грозит превратиться в поляризованный мир, где из-за релятивизации ценностей нарастает социальная напряженность, накапливается дисбаланс между ценностями, поддерживаемыми значительным большинством членов общества, и реальными социальными процессами, в нем разворачивающимися. Подобная ситуация чревата столкновением ценностей, их конфликтом.

3.2. Конфликт ценностей - проблема развития

Конфликт ценностей, как показывает анализ социокультурной ситуации последних лет, - одна из ключевых проблем переходного периода. Позитивные возможности культурного разнообразия реализуют себя в условиях стабильного демократического общества, где давно уже установились “общие правила игры”, консенсус относительно основных ценностей. Конфликт ценностей в переходных ситуациях, напротив, приобретает чаще всего негативный смысл прежде всего из-за отсутствия такого консенсуса. Ценностная многоголосица демократического общества “закована” в достаточно жесткую структуру законов, демократических правил и институтов, повседневно тщательно поддерживаемых в общественной жизни на всех ее уровнях. Именно поэтому она может превращаться в ресурс, используемый на благо общества. Такая структурированная многоголосица - дозированное многообразие - свободна лишь в добровольно принимаемых или навязываемых ей рамках стабильной экономической, политической и культурной жизни. В иных условиях начинают доминировать деструктивные свойства ценностного разнообразия, тем более опасные, что в условиях слабой структурированности общества сохраняется возможность выплескивания на верхние этажи общественной иерархии случайных элементов этого разнообразия. Отсюда угроза его превращения в значимый дестабилизирующий фактор, постоянно потрясающий общество, усиливающийся в условиях нелегитимности социальной стратификации, несформированности классовых интересов, анархичности политической жизни, дезориентации управляющих структур. Все эти моменты присутствуют в нашем обществе. Тем самым конфликт ценностей означает для нас возможность социальных потрясений, политической нестабильности, кризиса культурных оснований общества.

Многое зависит от представления о естественности или искусственности модернизации как процесса общественного развития. С одной стороны, оценка модернизации как искусственного, навязанного, “насильного” развития постоянно сопровождает у нас процессы модернизации. Так происходит, начиная от Петра I, навязывавшего предпринимателям собственность, до нынешнего поколения потенциальных собственников, например, колхозников, которые пока не имеют условий для свободного труда, независимости и риска. Навязанная модернизация оборачивается прежде всего своей негативной стороной - извращением сложившихся структур и разрушением, деградацией. С другой стороны, где граница естественного и искусственного? В некотором смысле культура вообще есть нечто искусственное, противостоящее “естественной” природе, о чем было известно уже античным софистам. Модернизация вполне может представать как процесс, лишенный катастрофизма и апокалиптических ожиданий.

Выход за рамки локальных деревенских миров сотен миллионов крестьян, включение в мировое хозяйство десятков развивающихся стран Азии, Латинской Америки, Африки давным-давно проблематизировали эту ситуацию. Долгий исторический путь пролегал от того времени, когда человечество осознало потрясающее разнообразие культур и цивилизаций, до сегодняшнего дня, когда это разнообразие предстает уже не как момент симпатий или антипатий, этнографического интереса, эстетического любования, но как необходимость взаимной работы представителей различных культур над общими проблемами, как совместный труд на одних и тех же

предприятиях, как оптимизация экономических и политических связей, наконец, как единая задача сохранения планеты в условиях нарастания глобальных проблем.

В западной науке эта ситуация исследуется начиная со второй половины XIX века как проблема классической социологии и, в частности, разрабатываемой ею теории модернизации, осмысляющей трансформацию традиционных ценностей, структур, отношений в модернизированные, “современные”. За прошлый и нынешний века она успела сложиться в развитое направление, включающее множество концепций, имеющих методологическое, теоретическое и прикладное значение. Проблемы модернизации разрабатывали такие крупнейшие ученые, как М.Вебер, Э.Дюркгейм, К.Маркс, Р.Парк, Ф.Теннис, Г.Беккер, М.Леви, Т.Парсонс, У.Ростов, Дж.Грегор, Р.Рэдфилд, С.Эйзенштадт, Д.Ношмейер, Г.Алмонд, А.Гершенкрон, Б.Мур и многие другие. В их концепциях накоплен огромный теоретический опыт анализа процессов перехода от традиционного к индустриальному обществу, выявлены различные возможности, возникающие на этом пути, общие закономерности и особенности, связанные со спецификой общества и страны, переживающей модернизацию.

По крайней мере с конца 60-х гг. теория модернизации подвергается ожесточенной леворадикальной, в том числе марксистской и неомарксистской критике. Несмотря на это она в целом устояла. Концептуальное углубление теории модернизации, обогащение ее новым опытом, особенно успешной модернизации социальных институтов, политической культуры, социальных отношений, эволюция нравственности в сторону ценностей гражданского общества, правового государства, либеральных свобод способны придать новое дыхание идеям модернизации. Их противопоставление концепциям зависимого развития, слаборазвитости, миросистемному подходу не абсолютное. Сама идея модернизации, т.е. постоянного обновления, не прерываемой ни на миг динамики традиций и инноваций, где преобладает ценностная ориентация на продвижение по пути качественного совершенствования, на реформы и прогрессивное развитие отнюдь не утратила своей привлекательности. Либеральные ценности, которыми вдохновляется теория модернизации, по-прежнему живы, как и направленность обществ на ненасильственные изменения эволюционного типа.

О том, что теория модернизации претендует на роль общей теории общественного развития, свидетельствует ее применимость для обществ различного типа, начиная от анализа трансформаций доиндустриальных структур в Англии, до многочисленных объяснений катастрофического пути к политической модернизации в Германии и Италии и бесчисленных исследований, посвященных модернизации стран “третьего мира”.

Обращение отечественной общественной науки к концепциям модернизации при изучении процессов социальных и культурных изменений в России до последнего времени либо не осуществлялось, либо осуществлялось в неявной форме. Вместе с тем имеет несомненный смысл обсудить возможности этой теории для анализа современных проблем России, в том числе конфликта ценностей. Это представляется тем более уместным, что основной пласт зарубежной исторической и политологической литературы прямо или косвенно связан с использованием идей

теории модернизации. Историки, изучающие роль государства, бюрократии, взаимоотношения различных ведомств и институтов, сословий, социальных слоев в России главное внимание уделяют проблеме реформ, попыткам модернизации - экономической, социальной, политической, обсуждению возможностей правящей элиты в России XIX - начала XX вв. избежать революции путем направленной гибкой системы постепенных изменений. В работах зарубежных специалистов большое внимание уделено судьбе самодержавия, проанализированы значительные пласты исторических документов, материалов, позволяющие сделать множество ценных выводов и наблюдений, сформировать ряд общих взглядов на недостатки управления, способствовавшие взрыву 1917 г., на историческую вину бюрократии, дворянства, интеллигенции, тех или иных политических деятелей, не сумевших достаточно гибко и маневренно обойти многочисленные рифы, ставшие на пути модернизации в России⁵.

Вместе с тем эти ценные работы остаются в большинстве своем все-таки взглядом извне. В целом им недостает опоры на "большую теорию", ибо при всей значимости используемых этими учеными концепций модернизации последние методологически и понятийно не были достаточно заглублины в специфику российских проблем. Европейский взгляд на проблемы отечественного общественного развития поневоле расставляет иные акценты, выделяет подчас не самое главное. И оценка эта обусловлена вовсе не стремлением отгородиться от мировой науки, созданных в ее рамках социологических и политологических теорий, но скорее необходимостью дальнейшего углубления научного знания, учитывающего оригинальный опыт различного типа обществ, в том числе российского. Недостаточны для объяснения отечественных проблем не только "западнические" работы, в которых можно при желании обнаружить специфически европоцентристскую интерпретацию проблем модернизации. Недостаточны для понимания проблем модернизации России и те многочисленные конкретно-страновые разработки теории модернизации, которые возникли как вывод из изучения конкретных регионов и обществ "третьего мира". Собственно, можно сказать и иначе. И теоретические работы, возникшие как обобщение социального развития западных обществ, и востоковедческие работы, осмысляющие процессы "догоняющего" развития в "третьем мире", до известного предела чрезвычайно важны и полезны. Их значение прежде всего в том, что они позволяют осмыслить антропологические параметры общественного развития, его общие закономерности, те характеристики, которые могут быть определены как универсалии. Большой смысл этих работ также в том, что они дают возможность обсудить цивилизационные, стадияльно-типологические черты, объединяющие общества в группы со сходным набором характеристик. Однако эти работы не могут ответить на те вопросы, что связаны с культурно-самобытными, уникальными чертами российского общества. В то же время вне осмысления этих черт анализ проблем общественного развития России всегда будет представлять переводом "чужого" текста, может быть интересным, ярким, но всегда неточным. Поэтому освоение концептуального содержания, накопленного в работах по теории модернизации, не освобождает нас от попыток углубления методологического инструментария, основанного на изучении специфики российского общества, от выявления тех ключевых проблем, которые показывают свою первостепенность именно в связи с изучением общественного развития России. Возможно, в конечном

итоге к теориям, разрабатываемым западной социальной наукой, будут добавлены лишь некоторые оттенки, создана лишь некая новая версия теории модернизации (если мы, конечно, не поставим себе задачи, требующие отказа от научного способа осмысления мира). Эта новая версия теории модернизации должна будет обладать лишь тем дополнительным качеством, которое связано с направленностью на собственный объект - российское общество.

3.3. Социокультурный подход к изучению конфликта ценностей

Важное достоинство теорий модернизации заключается в том, что они направлены на поиск внутренних движущих сил модернизации в конкретном обществе. Эта задача во всей ее полноте стоит перед исследованием проблем модернизации в России. На фоне драматического опыта развития страны эта проблема приобретает здесь особенно сложный характер. Важнейшую движущую силу модернизации в России, как и в других странах, следует искать в постоянно возникающих в обществе противоречиях, конфликтах, в том числе конфликте ценностей.

Тема конфликта ценностей до последнего времени не была интересна отечественному обществознанию. Теоретическое содержание этой проблемы мистифицировалось и в таком виде выносилось вовне, во “враждебный” капиталистический мир. Собственно теория классовой борьбы, антагонистических противоречий, противостоящих друг другу мировых систем и была той иллюзорной формой представлений о конфликте, частным случаем которой был и конфликт ценностей. Кроме того, теория классовой борьбы собственно не оставляла места изучению конфликта ценностей, так как апеллировала к понятию интереса, чем вульгаризировала проблему, низводя проблему ценностей к грубо-утилитарным ссылкам на выгоду, чисто материальный экономический интерес. Отказ от подобного упрощенного подхода, естественно, не означает автоматического избавления от мистифицирования проблемы, хотя и на другой лад.

Остается опасность прямого приложения к анализу конфликта ценностей в России западных понятий социологической науки, сложившихся в условиях общества, не знающего той формы этого конфликта, которая сложилась у нас (не случаен, например, структурный функционализм; в частности, Т.Парсонс а также М.Вебер, В.Петерс, Э.Дюркгейм считали, что социальная система складывается на базе общих для всех ее членов ценностей и норм). Кроме того, применяя понятия, возникшие на базе изучения социальных явлений общества, находящегося на более поздней стадии развития, к обществу, где подобных явлений еще попросту нет, мы несомненно “вчитываем” в эти процессы содержание, которое там отсутствует. Объясняем, например, доэкономические отношения через категории развитых товарно-денежных отношений; с помощью понятий, сложившихся в элитарной культуре, пытаемся объяснить массовые процессы, хотя обыденное сознание пользуется совсем другими понятиями и не знает элитарных интерпретаций и т.д. К счастью, при осмыслении проблемы конфликта ценностей имеется возможность опереться на отечественную философскую традицию, которая всегда считала эту проблему ключевой для общественного развития России и выработала понятие, “схватывающее” отечественную специфику.

Речь идет об интерпретациях раскола в русской культуре, отмечаемого многими мыслителями. Раскол можно рассматривать как особую специфическую форму конфликта. Масштабы и значение раскола таковы, что его существование ставит под вопрос западное представление о наличии в обществе единой системы ценностей, лежащих в основе социальной системы.

Тема расколов в российском обществе, поляризации культур, разрыва между основными субкультурами общества звучала у И.Киреевского, Бердяева, Федотова; об этом писали В.О. Ключевский, Г.Фроловский, А.Белый и другие. Поляризация ценностей, вплоть до взаимного непонимания, разрыва коммуникаций внутри общества, образования в нем “двух цивилизаций” отмечалась А.М.Панченко, Г.М.Прохоровым, Б.А.Успенским, Н.С.Эйдельманом, А.С.Ахиезером, Ю.С.Пивоваровым. Этот фундаментальный факт должен быть положен в основание анализа проблем общественного развития страны, что в результате приводит к совершенно своеобразной теоретической интерпретации особенностей ее исторической динамики.

Конфликт ценностей как одно из проявлений раскола может быть описан как некий эмпирический факт. Часто такие описания касаются того исторического момента развития общества, который связан с петровскими реформами⁴. Вместе с тем раскол может быть представлен как понятие теоретическое, как некоторое методологическое основание особого подхода, формирующегося на опыте осмысления специфики общества в России.

Речь идет о складывающемся у нас в стране социокультурном подходе к обществу, к общественным процессам, к их движущим силам. Этот подход в своей основе дает объяснение процессов в обществе, которое может рассматриваться как методологическое основание для анализа процессов любого уровня конкретности. Раскол, согласно этой теории, есть “патологическое состояние социальной системы, большого общества, характеризуемое острым застойным противоречием между культурой и социальными отношениями, распадом всеобщности, культурного основания общественного воспроизводства”. Он выступает как “постоянно угрожающий интеграции общества конфликт по крайней мере двух субкультур”, которые “вызывают друг у друга дискомфортное состояние и характеризуется отсутствием в обществе массового нравственного идеала, который мог бы реально обеспечить нравственное и организационное единство”². Господство раскола - следствие недостаточной способности общества обеспечить единство культуры и социальных отношений, необходимое для эффективного общественного воспроизводства. В свою очередь, механизм их согласования связан со способностью общества осваивать новшества, перерабатывать их, отвечая таким образом на постоянный “вызов”, постоянные возмущения, идущие из среды. Недостаточная способность осваивать новшества может оторвать одну часть общества от другой, нарушив коммуникацию между ними. А.С.Хомяков писал, что “общее просвещение, проявляемое только в постоянном круговращении мысли (подобно кровообращению в человеческом теле), становится невозможным при раздвоении в мысленном строении общества”. Неадекватные интерпретации новой информации приводят к возникновению нефункциональных социальных отношений, институтов (например,

если царь интерпретируется как батюшка, то перед нами случай неадекватной экстраполяции на государственность семейных отношений, результатом чего не может не быть извращение государства как социального института, базирующегося на иллюзорной основе). Постепенно развиваясь как историческое явление, некая “болезнь” общества, за века своего существования расколу удалось овладеть социальным организмом до всей его глубины, пронизать все поры общества. Многие мучительные колебания, “пульсация” общества, метания из одной крайности в другую, “замкнутые круги”, бросающие Россию от попыток ускорения модернизации в глубокий застой и вновь по тому же пути, попытки искоренить зло, отсечь “виновную” часть общества связаны с неспособностью избавиться от раскола. Общество вынуждено приспособляться к нему, что вызывает рост дезорганизации, формирование неэффективных социальных отношений и типов организаций (например индустриализацию, проводимую путем активизации традиционных элементов культуры, причем преодоление подобного положения возможно лишь при условии гармонизации взаимосвязи между культурой и реальностями социальной жизни, т.е. достижения соответствия между символическими культурными интерпретациями и организацией, между ценностями и структурами, формами, в которых находят реальное воплощение идеальные культурные проекты. Иными словами, должно быть достигнуто соответствие между сложным современным индустриальным обществом с множеством специализированных ролей, мощной дифференциацией и ментальными структурами. Пока общественное сознание остается подвержено мифам, фобиям, иррациональным всплескам, ценностям, идущим из архаических глубин истории, вся организация современного индустриального, должно опираться на разум и науку общества остается под угрозой. Древние ценности должны получать современные интерпретации, необходимые для осуществления большого уровня единства, глубинного консенсуса, более ясного осознания рациональных основ социальной жизни. В ином случае существование общества обеспечивается колоссальными напряжениями всего населения, массовыми жертвами, усилиями отдельных групп, привлечением дополнительных ресурсов то ли в виде выкачивания из страны ее богатства и их растраниживания, то ли помощи извне, импорта не нами созданной технологии, то ли террором, после которого следует крайнее изнеможение всех социальных и нравственных сил. Именно раскол, глубокое расхождение в понимании самой природы общества и социального действия, роли и места человека в мире, личности в обществе, целей общественного развития смог породить удивительный тип советского витка модернизации, объединивший модернизаторскую энергию бюрократии с социальной мощью крестьянской утопии.

Социокультурный подход, складывающийся сейчас в отечественной философии, нацелен на изучение социокультурной динамики в российском обществе. В рамках этого подхода осмысливается специфика конфликта ценностей в России, его роль в российской модернизации. Рассматривая ценностное содержание культуры как феномен духовной жизни, такой подход требует соотнесения ценностей с реальным общественным субъектом на всех его основных уровнях: общесоциальном, групповом и личностном. Краеугольное требование социокультурного подхода - сосредоточение на анализе массовых социальных процессов как основном объекте

изучения, понимаемом как источник и почва всех видов групповых и личностных форм социальных процессов.

Этот подход требует безусловного помещения рассматриваемых тенденций в целостные контексты, т.е. постоянного учета их места в массовых социальных процессах, их общераспространенности либо уникальности. Вместе с тем этот подход не обязывает приводить количественные характеристики, статистические данные и т.д. и в этом смысле отличается от социологического. Социокультурный подход ориентирован прежде всего на качественный анализ. Его задача - сформировать идеальный образ, обобщенный "портрет" социального явления, однако, естественно, сохраняя верность всех количественных масштабов и пропорций. Кроме того социокультурный подход требует помещения изучаемого явления во временную шкалу, однако он отличается от исторического тем, что не достигает конкретности исторических описаний. Важнейшее требование такого подхода - постоянное выстраивание иерархии уровней, направленных на достижение конкретности получаемых результатов, их доведения до уровня характеристик реального субъекта социального действия. В отличие от культурологического анализа такой подход нацелен на осмысление противоречия между культурой и социальными отношениями, т.е. изучает не собственно характеристики того или иного типа сознания, но момент столкновения последнего с социальной реальностью, воплощения культурного проекта, иными словами, переход человеческих представлений в реальную организацию жизни общества. В отличие от политологии социокультурный подход меньше направлен на изучение действий политических лидеров, элит, меньше интересуется политическими решениями и не склонен преувеличивать возможности властвующего субъекта. Он отрицает способность политических решений определяющим образом влиять на социальные процессы. Политическая же культура, с позиций этого подхода, - это прежде всего массовые представления о власти, ее субъектах, нормах, нравах и обычаях, определяющих политическое поведение.

3.4. Ценностное содержание динамики российского общества

На основании изложенных методологических предпосылок появляется возможность интерпретации динамики ценностей, обуславливающей массовые социальные процессы. Согласно этому подходу, традиционные ценности, в 1917 году "выплеснувшиеся" вверх из-за крушения российской государственности, удерживались на общесоциальном уровне до 1985 года, несмотря на неадекватность современным условиям. Социокультурный подход позволяет видеть в этом результат инерции прошлого культурного опыта, глубокую стадийно-типологическую обусловленность общественной динамики. Согласно подобной интерпретации Россия принадлежит к промежуточному, переходному типу общества, где значительные пласты традиционной, статического типа культуры по крайней мере со времен петровских реформ сталкивались с ростками динамичной ранне-индустриальной. Потрясенный, разрушенный в 1861 г. традиционализм нес ценности сохранения устойчивости, защищенности, комфортности жизни в рамках локальных миров - крестьянских натуральных и полунатуральных хозяйств и содержал древние ориентации на адаптацию к внешней среде - природной и

социальной, упования на неограниченную сакральную монархическую власть. Традиционалистский ценностный комплекс пронизывался и постепенно размывался также идущим из народной почвы утилитаризмом. Этот процесс был и остается нацеленным в будущее, он в потенции содержал возможность модернизации в ее органическом варианте, т.е. модернизации как процесса развития. Ранний неразвитый утилитаризм включал постоянно возрастающие требования, обращенные к государству как источнику потребительских благ и ресурсов, но обеспечивал также и развитие производительных форм деятельности, включал в культуру ценности товарно-денежных отношений.

Внутренние импульсы к развитию, обеспечиваемые идущим из народной почвы утилитаризмом, однако, не были достаточны для целей модернизации, особенно ускоренной. После 1917 года она приобрела уродливые формы, фактически обратилась против самих модернизирующих слоев, против ростков буржуазной культуры, товарно-денежных отношений, высших форм научного и художественного творчества и оказалась во власти традиционалистских ценностей, активизировавшихся в обществе в результате усиленных и неоднократных попыток их искоренить. Это вызвало взаиморазрушение как конструктивных инноваций в культуре, образе жизни, организации производства, так и сложившихся традиционных социально-культурных укладов, форм производства и образов жизни.

Социальный катаклизм 1917 года произошел на этапе, когда особенно обострились противоречия, вызванные быстрыми и неравномерными сдвигами в хозяйственных укладах и социально-экономических формах жизни. Упадок высших слоев традиционного общества в России, слабость буржуазии, ее подчиненность государству обескровили общество. Обратная сторона его недостаточной модернизованности проявилась в конфликтности и одновременно слабости интеллигенции, выдвинувшей конкурирующие и подчас исключаящие друг друга идейные, мировоззренческие, социально-политические концепции, где, однако, господствовала идея радикальных социальных изменений. Недостаточность предпринимательства, обмена, экономической инициативы в обществе, неспособность правящей элиты последовательно провести в жизнь требования модернизации сильно усложнили ситуацию⁸. Не смогли гармонизировать эти процессы и новые социальные слои, выступившие на арену политической жизни после 1917 года. Развязанная, освобожденная от прессы государственности социальная энергия миллионов не “канализировалась” в сторону поддержания и развития ценностей самостоятельной, саморазвивающейся, ответственной личности. Модернизация развертывалась согласно логике, продуцируемой массовыми ценностями, сформировавшимися к этому периоду.

Типичный носитель массовых ценностей к тому времени сохранил часть черт, идущих от традиционализма, хотя и частично разрушенного послереформенными процессами XIX -начала XX в., и часть черт почвенного утилитаризма, недостаточных для утверждения в стране господства рыночных отношений. В условиях “обесструктурирования” общества (бурный миграционный процесс вынес из села в город за 1917 - 1982 гг. 142,6 млн. человек!)⁹ подобное сочетание ценностей способствовало быстрому усвоению новых форм жизни, т.е. достигнутого к тому

времени уровня производства, внешних элементов городского образа жизни. Это свидетельствовало о значительной способности миллионов к творческой культурной работе по освоению новых для них культурных образцов. Вместе с тем этот массовый процесс освоения культуры имел определенные рамки, за которые могли выйти только отдельные выдающиеся люди. В целом же он препятствовал развитию более сложных форм труда, деятельности, творчества. Более того, в результате конфликтного взаимодействия, “сшибки” ценностей, произошло упрощение культуры и социальных отношений, усилилась враждебность к носителям более сложных форм труда. Иными словами, освоение на массовом уровне отдельных элементов индустриальной культуры и городского образа жизни сопровождалось уничтожением модернизированных выше этого уровня культурных форм. Высшей целью модернизации, как известно, стало сильное государство, что в общем согласовывалось с давно утвердившейся в России традицией. Однако дело не ограничивается имперскими амбициями и соображениями политиков. Главной причиной выдвижения сильного государства как высшей ценности модернизации в России был социально-психологический механизм отождествления личности с государством как воплощением собственной силы этой личности. В конечном итоге утверждение государственной собственности на все богатства страны, ее отождествление с общенародной было результатом отождествления всех и каждого с государством, дававшего иллюзию могущества и защищенности человека, растворившегося в соборном целом. Отчасти это, видимо, было компенсацией, заменой потерянного чувства разрушенной традиционной общности, утраты естественной связи, соединявшей людей в их локальных мирах. Подобная замена оказалась необходимой из-за недостаточной готовности личности к существованию вне этих связей и была, несомненно, свидетельством незрелости, невыработанности личности, ее страха перед автономным существованием в новых условиях модернизирующегося общества.

Согласно развиваемым нами представлениям, конфликт ценностей в нашем обществе - выражение его промежуточного, переходного состояния: между статичным и динамичным социальным воспроизводством, между архаичной личностью и личностью, склонной к прогрессу, развитию, к поддержке системы ценностей, утвердившей себя в модернизированных обществах. Это приводит к выводу о принадлежности России к особому типу промежуточной цивилизации, что говорит о качественном своеобразии, самобытности социального целого, недостаточности сведения особенности развивающихся здесь процессов к некоторому из описанных случаев модернизации, например, “частичной”. Своеобразие промежуточной цивилизации обусловлено типами личностной культуры и субкультур, сложившихся в обществе, соотношением массовых постиндустриальных, развитых индустриальных и раннеиндустриальных, а то и просто архаичных ценностей, которые до сих пор бросали российское общество в путь по “замкнутому кругу” и сейчас еще угрожают срывом прогрессивных реформ, препятствуя переходу России к интенсивному динамичному общественному воспроизводству.

Таким образом, модернизация в России имеет глубокую специфику, связанную, в частности, с тем, что общество “расколослось”, поляризовалось, а ценностное разнообразие обратилось не только в конфликт ценностей, но в конфликтное

столкновение цивилизационных типов. Эти процессы глубоко раскололи личность и, фактически, основной проблемой модернизации является “расколотый” человек современного российского общества. Человек, который до сих пор хотел жить в современном обществе, исповедуя архаичные ценности, сочетая ответственность на уровне своего рабочего места и собственной квартиры с желанием пользоваться новейшей техникой и технологией. Этот человек по-прежнему сомневается в ценности личности и уповает на силу архаичного, почти племенного “Мы”, на силу авторитета. Вместе с тем, если традиционных общностей в их первозданном виде уже давно не существует, то сейчас рухнул последний оплот традиционалистского авторитарного сознания - сильное авторитарное государство, воплощение силы этой личности. Поэтому, если тема конфликта культур, столкновения ценностей - это тема встречи архаичной личности с современной, тема противоречивости господствующего до последних лет в России типа личности, застрявшей на пороге в современность, то сейчас мы попадаем в новую ситуацию, ситуацию решительного сдвига в сторону ценностей модернизированных обществ. Возможности достижения более органичной модернизации, а следовательно и более безболезненного развития - в способности человека сегодня гармонизировать свой внутренний мир, продвинуться вместе с обществом по пути к “нормальной” культуре, к ее основным ценностям.